

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ЖИТЕЛИ СТРАН ЕВРОПЫ

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-3/150-167

Научная статья

© Э. Ф. Рязанова

СОХРАНЯЯ РОССИЮ В СЕБЕ: ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ
РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Статья посвящена исследованию механизмов функционирования русской культуры и ценностных ориентаций в среде эмигрантов из России, проживающих на территории Германии в период с 2010-х годов по настоящее время. В работе обосновывается целесообразность выделения пятой миграционной волны, движущими силами которой выступают не столько политико-экономические или этнические факторы, сколько академическая мобильность, развитие международных образовательных программ и повсеместная цифровизация, нивелирующая информационные барьеры. Эмпирическую базу исследования составляют 34 полуструктурированных интервью с информантами, переселившимися в ФРГ в указанный хронологический период, а также данные включенного наблюдения за культурной жизнью русскоязычного сообщества и материалы виртуальной этнографии (анализ эмигрантских блогов и дневников). В качестве центрального исследовательского вопроса рассматривается проблема ценностного отношения эмигрантов к сохранению русской культуры в немецком обществе, при этом ценностные ориентации трактуются как системообразующий элемент идентичности. Особое внимание уделяется не только позитивным стратегиям культурной самореализации, но и нарративам индифферентного отношения к сохранению культурного наследия, что потребовало применения методологии, ориентированной на достижение высокого уровня достоверности с информантами. В работе предпринята попытка зафиксировать многомерность повседневных практик русских эмигрантов, включая как офлайн-коммуникацию (досуговые мероприятия, встречи поколений), так и цифровую рефлексию миграционного опыта. Сделан вывод о трансформации природы современной эмиграции, где профессиональные и личностные стратегии самореализации начинают доминировать над этнической обусловленностью переезда.

Ключевые слова: поздние переселенцы, русские в Германии, русская эмиграция, Германия, виртуальная этнография, русский язык, русская культура, диаспора

Ссылка при цитировании: Рязанова Э. Ф. Сохраняя Россию в себе: ценностные ориентиры русских эмигрантов в современной Германии // Вестник антропологии. 2026. № 3. С. 150–167.

Рязанова Эльвина Фаритовна — старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: elvinaryazanova@gmail.com

* Публикация подготовлена в рамках Плана научно-исследовательских работ ИЭА РАН по теме «Русский народ: традиции, ценности, образ будущего» (код: FMNU-2026-0006).

UDC: 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-3/150-167

Original article

© *Elvina Ryazanova*

KEEPING RUSSIA WITHIN: IDENTITY AND VALUE ORIENTATIONS OF RUSSIAN EMIGRANTS IN TODAY'S GERMANY

The article examines the mechanisms of Russian culture functioning and value orientations among emigrants from Russia residing in Germany from the 2010s to the present. The study substantiates the relevance of distinguishing a fifth migration wave, driven not so much by political, economic, or ethnic factors as by academic mobility, the development of international educational programs, and widespread digitalization that removes information barriers. The empirical basis of the research comprises 34 semi-structured interviews with informants who relocated to Germany during the specified period, as well as data from participant observation of the cultural life of the Russian-speaking community and materials from virtual ethnography (analysis of emigrant blogs and diaries). The central research question addresses emigrants' value attitudes toward the preservation of Russian culture within German society, with value orientations interpreted as a system-forming element of identity. Special attention is paid not only to positive strategies of cultural self-realization but also to narratives of indifferent attitudes toward cultural heritage preservation. This required a methodology aimed at achieving a high level of trust with informants. The study attempts to capture the multidimensionality of everyday practices among Russian emigrants, including both offline communication (e.g. leisure activities or intergenerational gatherings) and digital reflection on migration experience. The conclusion is drawn that the nature of contemporary emigration is undergoing transformation, with professional and personal strategies of self-realization beginning to dominate over ethnically determined reasons for relocation.

Keywords: late resettlers, Russians in Germany, Russian emigration, Germany, virtual ethnography, Russian language, Russian culture, diaspora

Author Info: Ryazanova, Elvina F. — Ph.D. in History, Senior Researcher at the Department for European Studies, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: elvinaryazanova@gmail.com

For citation: Ryazanova, E. F. 2026. Keeping Russia Within: Identity and Value Orientations of Russian Emigrants In Today's Germany. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 150–167.

Funding: The study was carried out as a part of the research plan of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology. Project “The Russian People: Traditions, Values, and the Image of the Future” (code: FMNU-2026-0006).

Мою ладонь художник строгий
Разрисовал: в ней все твои
Большие, малые дороги,
А жилы — реки и ручьи.

Введение

Эпиграфом исследования о русском зарубежье в Германии я не случайно выбрала строки из стихотворения великого русского поэта и писателя В. В. Набокова, которые он написал, будучи в эмиграции в Берлине. Тогда еще совсем молодой В. В. Набоков использовал псевдоним Сирий и посещал берлинский кружок поэтов (1928–1933 гг.), объединяющих русских писателей. Первые эмигранты из России прибыли в Германию более ста лет назад. Социально-политические процессы, произошедшие на территории бывшей Российской империи, стали причиной переезда около 2 млн чел. Эмиграция является предметом исследований многих гуманитарных областей, так как сама по себе в независимости от того вынужденная это эмиграция или запланированная, она несет в себе много социально-психологических переживаний. Если В. Набоков описывал тоску и любовь к Родине-России в стихотворениях, то современные эмигранты рассказывают о своих переживаниях и жизни в другой стране в эмигрантских блогах (как некоторые из них это называют дневниках), находя своих читателей там же в социальных сетях.

На территории Федеративной Республики Германия проживает, по различным оценкам, от 3,5 до 4,5 млн русскоязычных мигрантов и их потомков, что позволяет рассматривать данное сообщество как наиболее многочисленную русскоязычную диаспору за пределами постсоветского пространства. При этом внутренняя структура этой группы отличается значительной гетерогенностью. В её составе выделяются несколько основных категорий. Прежде всего, это этнические немцы-репатрианты, более 2,5 млн этнических немцев и членов их семей, иммигрировавших из бывшего Советского Союза (преимущественно из России, Казахстана и Украины) в 1990-е — начале 2000-х годов и получивших немецкое гражданство в упрощённом порядке. Помимо поздних переселенцев, в данную разнородную группу входят недавние экспаты — граждане Российской Федерации, временно или постоянно проживающие в Германии (включая около 266 000 официально зарегистрированных лиц), а также носители русского языка (по происхождению) дети и последующие поколения, для которых русский язык является первым или вторым и продолжает использоваться в качестве основного средства домашней коммуникации (Медиа служба: 2026).

Обычно принято говорить о четырех миграционных волнах из России в Германию. Безусловно, о первой волне эмигрантов в Германии, о ее осмыслении и роли в отечественной историографии написаны монографии, более того имеется научная литература как России, так и в Германии, посвященная четвертой волне эмиграции, так называемой «переезд поздних переселенцев». Но в хронологии миграционных волн целесообразно выделить пятую волну эмиграции, охватывающую период приблизительно с 2010 г. по настоящее время. Пятая волна отличается от предшествующих этапов, имевших преимущественно политико-экономическую или этнически обусловленную природу. Причинами данного миграционного потока выступают еще и факторы информационно-технологического и академического характера. Повсеместное распространение интернета и социальных сетей нивелировало информаци-

онные барьеры, существенно повысив мобильность населения и информированность о зарубежных возможностях. Активное развитие международных образовательных программ и межвузовского сотрудничества в начале 2000-х гг. способствовало формированию устойчивых академических треков, что стимулировало массовые обмены и стажировки молодежи за рубежом. Экономический подъём расширил финансовые возможности населения, позволил российским родителям отправлять своих детей на обучение в Германию, так же активно развивался туризм. Все это послужило своеобразным триггером для последующей трудовой и учебной миграции, часто перерастающей в постоянную релокацию. Таким образом, пятая волна характеризуется высокой долей образовательной и квалифицированной миграции, где этнический фактор уступает место профессиональным и личностным стратегиям самореализации.

* * *

Мое исследование посвящено русской эмиграции периода с 2010-х по настоящее время. В 2012, 2013–2014, 2016 гг. я могла наблюдать за жизнью русских в Германии непосредственно находясь там, во время учебы и стажировок в немецких университетах в таких городах как Штутгарт, Гамбург и Росток. Повседневность русских эмигрантов в настоящее время можно изучать в режиме постоянного наблюдения благодаря социальным сетям. Социальные сети, где люди описывают и рассказывают о многих аспектах их жизненного пути в другой стране, можно считать «живым» этнографическим источником. Эмпирическую базу настоящего исследования составили порядка 34 полуструктурированных интервью с российскими эмигрантами, переселившимися в Германию в период с 2010 г. по 2020 г. Целью не было проведение опроса с применением репрезентативной выборки. Опрошенными респондентами состояли из лиц знакомых исследователю и между собой, то есть информанты формировались методом снежного кома. Наряду с интервьюированием применялся метод включенного наблюдения: автор (в 2012, 2013–2014, 2017–2018 гг.) участвовал в событиях культурной жизни русскоязычного сообщества на территории Германии — в частности, в русских дискотеках, празднованиях дней рождения и иных форматах коллективного досуга, организуемых представителями второго поколения эмигрантов, чьи родители иммигрировали в ФРГ в 1990-е гг.

Дополнительным исследовательским треком за эмигрантами (19 человек), которые уехали в последние пять лет выступила виртуальная этнография, предполагавшая анализ публично доступных эмигрантских блогов и личных дневников. В тех случаях, когда непосредственное личное общение с авторами этих текстов не устанавливалось, рефлексия их эмоциональных состояний и субъективных переживаний воспроизводится в работе анонимно, с соблюдением исследовательской этики. Для точной передачи настроения и эмоций, прямая речь респондентов стилистически сохранена.

Основной целью исследования являлось выявление механизмов функционирования русской культуры в ее широком понимании (включая языковой компонент) в среде русских эмигрантов последних десятилетий, проживающих на территории Германии. В качестве центрального исследовательского вопроса выступила проблема ценностного отношения эмигрантов к сохранению русской культуры в иноязычном окружении. Как справедливо отмечает антрополог Метью Энгльке, «узнавая о ценностях людей, мы также узнаем об их внутреннем и внешнем мире в целом: об их политических

убеждениях, религиозных чувствах, семейных и общественных отношениях, экономических связях и так далее» (Энгельке 2024: 186). Данный тезис задает методологическую рамку, в которой ценностные ориентации рассматриваются не изолированно, а как системообразующий элемент всей структуры идентичности эмигранта.

Помимо этого, в задачи исследования входил и обратный более сложный в интерпретации вопрос: если сохранение русской культуры не представляет для респондентов значимой ценности, то какими аргументами и нарративами они обосновывают подобное отношение? Очевидно, что постановка такого вопроса сопряжена с серьезными методологическими трудностями, поскольку требует от исследователя высокой степени доверительности в коммуникации с информантом, а зачастую и установления устойчивых личных контактов, позволяющих выйти за пределы социально желательных ответов. Несмотря на эти ограничения, я предприняла попытку включить данный проблемный блок в сценарий интервью, стремясь зафиксировать не только позитивные, но и негативные или индифферентные стратегии культурной самоидентификации среди русских эмигрантов.

Краткая история миграционных волн из России и Советского Союза в ФРГ

Как уже было сказано, можно выделить четыре волны русской эмиграции на территорию Германии, начиная с XX столетия (Kühn 2012: 112). Первая волна эмиграции, состоявшая из десятков тысяч выходцев из России (офицеры, писатели, врачи, художники, банкиры, коммерсанты и люди других профессий) включала людей, истинно любивших свое Отечество, подлинных носителей русской культуры и лучших традиций Серебряного века. Русские эмигранты, сохраняя любовь к родине и народу, продолжали свое развитие уже в изгнании, в результате в 1920-е годы Берлин стал очагом русской культуры в центре Европы. Здесь, в Берлине, жили и творили, печатали свои книги А. Толстой, М. Горький, Б. Пастернак, А. Белый, В. Ходасевич, В. Набоков, В. Шкловский, А. Ремизов, Г. Иванов и многие другие. Именно тут увидела свет четырехтомная эпопея видного деятеля Белого движения генерала П. Н. Краснова «От двуглавого орла к красному знамени» (1921–1922), повествующая о драме русского офицерства.

В 1923 г. русский художник Сегаль писал: «Мы — старожилы — привыкли. А вот заезжему человеку чуть ли не странным кажется это обилие русских магазинов, кафе, ресторанов, кабаре и т. д. В самом деле: пройдешься в области «Вестена» — и зарядит перед глазами от великого множества вывесок, витрин, плакатов, реклам: «Здесь говорят по-русски», книжный магазин «Родина», ресторан «Медведь», кафе «Москва», концерт такого-то... русские парикмахеры, чуть ли не мозольные операторы!.. А в газетных киосках тоже бубнят о себе заголовки газет и журналов: «Дни», «Накануне», «Руль», «Сполохи», «Жар-птица»... Вот уж подлинно — мирное завоевание! А немцы — ничего, привыкли. И даже Шарлоттенбург шутиливо переименовали в Шарлоттенград. Еще острят: будто через год этак можно будет в промежутке от Шарлоттенбурга до Зоологического сада основать «Русскую эмигрантскую республику», а Курфюрстендамм переименовать в «Проспект Курфюрста». Что же, все возможно. Поживем — увидим» (Русский Берлин 2003: 45).

В действительности, Берлин в те времена состоял из двух полюсов: русского и немецкого. Русским эмигрантам было сложно интегрироваться в немецкое общество, многие не охотно учили немецкий язык, единственное выученное слово было «Bitte»

(пожалуйста). Связано это и с тем, что русским эмигрантам оказалось нелегко приспособиться к немецкому укладу жизни, а местное население видело в них незваных гостей и старалось не вступать с ними ни в какие связи. Немецким женщинам, согласно немецкому законодательству, было невыгодно выходить замуж за любого иностранца так как она автоматически лишалась немецкого гражданства. Большой проблемой являлось то, что у русских эмигрантов не было правового статуса. В «Известиях ВЦИК» от 20 декабря 1921 г. большевики опубликовали постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) Совета Народных Комиссаров (СНК) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) «О лишении прав российского гражданства». Согласно ему, выделялись русские эмигранты следующих категорий: пребывающие за границей свыше 5 лет и не получивших от советских представительств заграничных паспортов до 1 июня 1922 г.; выехавшие из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения Советской власти; добровольно служившие в армиях, сражавшихся против Советской власти. Лица из первой и второй категории могли подать заявление о восстановлении гражданства на имя ВЦИК через ближайшие представительства Российской республики (Русский Берлин 2003).

Указанные обстоятельства существенно затрудняли легализацию правового статуса эмигрантов в Германии, а также доступ к высококвалифицированной занятости и иным социально-экономическим ресурсам. Следует отметить, что для значительной части эмигрантов Берлин не рассматривался как конечный пункт остановки на постоянное место жительства, а выполнял функцию временного транзитного узла, позволявшего передохнуть и определиться с дальнейшим маршрутом, в иные европейские города либо в страны. Несмотря на многочисленные трудности, русские эмигранты демонстрировали высокий адаптационный потенциал. Они не только обеспечивали свои базовые материальные потребности, но и активно воссоздавали институциональную инфраструктуру утраченной Родины на новой почве. Именно этим обстоятельством объясняется бурное развитие в 1920-е годы в Берлине широкого спектра русских общественных, образовательных и профессиональных организаций: Русского научного института, Русской гимназии, Русского научно-философского общества, Союза русских журналистов и литераторов, Общества русских инженеров, Общества русских врачей, Русского студенческого союза, Союза русских переводчиков, Народного университета, Русского общевойскового союза, двух писательских объединений и многих других. Иначе говоря, эмигрантское сообщество стремилось институционально воспроизвести российскую социально-культурную среду в германском контексте, сохраняя внутреннюю консолидацию. Однако тяжёлые экономические условия, отсутствие стабильной занятости и прочие неблагоприятные факторы вынудили значительную часть эмигрантов продолжить движение — в страны Европы, Америку и иные регионы. В результате к началу Второй мировой войны русское сообщество в Германии постепенно дезинтегрировалось и утратило свою былую институциональную целостность (Попов 2010).

Вторая волна 1939–1950-х гг. охватывает советских военнопленных и депортированных на принудительные работы (от 200 до 250 тыс. чел.), а также перебежчиков периода Второй мировой войны, оставшихся в Германии по её окончании. Безусловно, военнопленных советских солдат и офицеров, также невольно депортированных людей будет неправильно включать в число эмигрантов, здесь более верно писать о невольном перемещении на территорию Германии.

Третья волна, пик которой пришелся на 1970–1980-е годы, состояла из так называемых диссидентов (круга интеллектуалов, чья профессиональная деятельность и произведения вступали в противоречие с официальной идеологической линией КПСС), что предопределило их переезд на Запад. В ряде случаев они лишались советского гражданства. Среди наиболее известных представителей данной волны — философы и литераторы Лев Копелев, Александр Зиновьев, Фридрих Горенштейн и Владимир Войнович. Помимо этого, отдельным советским гражданам в период холодной войны удалось легализовать своё пребывание и осесть в Федеративной Республике Германия.

Четвертая волна эмиграции начинается с 1993 г. В Германии с указанного времени некоторые из эмигрантов получили официальный статус «поздних переселенцев» (*Spätaussiedler*). Исторические корни данной группы восходят к XVII столетию, когда царь Пётр I инициировал привлечение иностранных специалистов на российскую службу. Откликнувшись на это приглашение, в страну прибыли тысячи представителей научной, медицинской и ремесленной профессий. Впоследствии, в период своего правления с 1762 по 1796 г., императрица Екатерина II (урождённая София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская) также содействовала созданию немецких поселений на российской территории, предоставив колонистам широкий спектр привилегий, включая налоговые льготы и освобождение от рекрутской повинности. Однако после провозглашения Германской империи в 1871 г. политика российского правительства по отношению к колонистам претерпела изменения, и они лишились прав, некогда пожалованных «на вечные времена». Кабинет Бисмарка, в свою очередь, характеризовал эмигрантов как изменников родины и не усматривал оснований для сохранения связей с зарубежными колониями. Вследствие двух мировых войн, а также дискриминации и репрессий в советский период их потомки устремились на историческую родину (*Kirsch* 2004: 11).

За промежуток с 1950 по 2004 г. германскими властями было принято порядка 4,5 млн эмигрантов из стран Восточной и Южной Европы. Интенсивность иммиграционного притока отличалась существенной динамикой. Отмена выездных ограничений в государствах Восточной Европы спровоцировала резкий всплеск численности въезжающих: в 1988–1994 гг. Германия приняла почти 2 млн чел. Максимального значения данный показатель достиг в 1990 г., когда число прибывших составило 397 тыс. Введение более жёстких иммиграционных норм, а именно квотирования на уровне около 200 тыс. человек в год и требования о документальном подтверждении достаточного знания немецкого языка обусловило устойчивое сокращение потока переселенцев: с 104 тыс. в 1999 г. до 36 тыс. в 2005-м (*Geißler* 2006: 56). Географически основная часть иммигрантов происходит из северных областей Казахстана и российских регионов, главным образом из Поволжья и Западной Сибири.

Категория поздних переселенцев (российских немцев) представляет собой сложный и неоднородный феномен в структуре современной миграции. С точки зрения этнической самоидентификации, данная группа традиционно считает себя немцами. Однако в силу длительного проживания на территории Российской Империи и на постсоветском пространстве, разрыва межпоколенческой трансляции культурных традиций значительная часть потомков немецких колонистов утратила функциональное владение родным языком, перейдя исключительно на русский язык как основное средство коммуникации.

Дополнительным фактором, размывающим четкие этнические границы, выступает высокая интенсивность межэтнических браков. В таких семьях формируется гибридная идентичность у потомков, которые зачастую не могут однозначно пози-

ционировать себя в рамках моноэтнической парадигмы. В связи с этим, правильное рассматривать данных эмигрантов, как людей, занимающих пограничное положение. С одной стороны, они являются этническими немцами, с другой их языковой и поведенческий стили жизни соответствует характеристикам русскоязычных мигрантов. Исходя из этого, методологически более корректным представляется их отнесение к русскоязычному сегменту эмиграции, особенно в контексте анализа сохранения русской культуры на территории Германии.

Мотивы переезда в Германию в современное время

Можно говорить о двух причинах современной эмиграции русских в Германию. Как правило — это карьерный и семейные треки. Разумеется, есть и другие причины эмиграции, но в рамках данной работы я буду рассматривать эти две, так как мои информанты упоминали эти причины переезда чаще всего.

По мнению респондентов, карьерный трек открывает новые возможности в другой стране. Большинство моих информантов, которые переехали в Германию из-за работы, являются высоко квалифицированными специалистами. Как правило это люди с высшим медицинским образованием (6 чел.), выпускники технических университетов (физического факультета (инженеры-физики — 7 человек), специалисты из айти области (6 чел.), выпускники музыкальных учебных заведений, консерваторий (4 чел.). Выпускники филологических факультетов, по направлению Романо германская филология — 6 чел., историки, преимущественно молодые ученые — 2 чел.

В 2010 гг. особенно популярной программой для переезда была программа Au Pair (с французского языка переводится как «на равных правах»). Au Pair — международная программа культурного обмена, предлагающая молодым людям (в большинстве случаев девушкам и преимущественно из стран СНГ и восточной Европы) пожить определенное время (от 6 до 12 месяцев) в гостевой принимающей семье. В обязанности в большинстве случаев входит работа в качестве няни, в зависимости от семьи может входить и уборка по дому, наведение порядка, стирка, приготовление еды и так далее. Взамен принимающая семья обеспечивает бесплатное проживание, питание, дает карманные деньги на расходы около 200 евро (сумма на 2010 гг.) в месяц и оплачивает языковые курсы. Основным условием участия является возраст от 18 до 30 лет, знание английского языка, свободное семейное положение и отсутствие детей. Некоторые мои знакомые девушки, которые оставляли учебу в университете, уезжали по программе Au Pair. Когда я их спрашивала еще в 2012 г., какую цель они преследуют, ведь условия программы не очень выгодны, другими словами, это волонтерство: жить в принимающей семье, с которой ты не знаком, и выполнять обязанности за небольшую оплату по ценам в Европе. Мои собеседницы отвечали, что так они выучат язык, познакомятся с культурой, будут много путешествовать. По прошествии времени, почти все мои знакомые вернулись с посредственными рассказами и отзывами о программе. Никому не удалось выучить язык в принимающей семье, большая часть времени уходила на работу. Только одна моя знакомая использовала программу как способ для переезда на постоянное место жительства в Германию, после программы она поступила в университет в Дрездене. Другие же мои собеседницы, с которыми я беседовала в ходе написания статьи, так же остались жить целенаправленно в Германии после программы Au Pair, однако они не

получили образование в дальнейшем и сейчас занимаются ведением домохозяйства и воспитанием детей. Приведу отрывок из интервью.

«А: как Вы решили переехать в Германию?

И: я закончила колледж в Москве в 2010, не помню, где точно, узнала о программе Au Pair, подала заявку, меня одобрили, я поехала работать в семью с 4 детьми в Мюнхен. Мне очень понравилось, я прожила там год, потом познакомилась с мужем, как-то быстро мы начали жить вместе, поженились, я так и осталась.

А: Сколько Вам было лет?

И: Мне было 19,5.

А: Чем Вы сейчас занимаетесь?

И: Я домохозяйка, мама троих детей» (жен., 38 лет, русская, среднее специальное образование)».

Семейный трек переезда в основном характерен для женщин и девушек, которые эмигрируют в Германию по причине замужества или согласно жизненной стратегии — встретить мужа-европейца. В большинстве случаев (среди моих информанток) русские эмигрантки, которые переехали по семейному треку, имеют высшее филологическое образование, как правило знают хорошо немецкий или английский язык. При интервью выяснялось, что многие из них либо проходили стажировку в студенческое время в немецких университетах, либо много путешествовали по Германии, иными словами, они были уже знакомы с немецкой культурой до своего принятия решения о переезде. Чаще всего в ответах среди молодых женщин и девушек, переезжающих в Германию в одиночестве, можно было услышать разочарование в поисках партнера в России, несбывшиеся мечты о создании семьи, и стереотипы о возрасте деторождения. В качестве примера приведу отрывок из интервью.

«А: Вы почему решили переехать именно в Германию?

И: Я разочаровалась в личной жизни, мне было 38 лет, в Европе это не старость, а в Питере, мне казалось, то есть окружающие люди и родственники хотели доказать, что я совсем не юная девица, которая может мечтать. В Европе понятие возраста более размыто. В Берлин переехала, потому что я знаю хорошо этот город и мне нравится «вайб» (настроение) Берлина. Здесь в Германии познакомилась со своим парнем-немцем, с которым мы вместе живем, но еще не поженились, я и не думаю об этом.

И: А кем Вы работали в России? Кем работаете сейчас?

А: У меня высшее образование, я родилась в Екатеринбурге, училась в университете, после его окончания переехала в Санкт-Петербург, сначала работала в офисе, но со временем поняла, не мое. Начала преподавать йогу, занимаюсь учением аюрведы. В Берлине так же преподаю йогу, занимаюсь телесными практиками.

И: Йогу на немецком преподаете?

А: Нет, вы что, я не говорю на таком хорошем уровне, чтобы преподавать, я преподаю на русском.

И: А кто ваши ученики по йоге?

А: Девочки из России, из Казахстана, у нас много русскоговорящих девушек и женщин» (жен., 41 год, русская, высшее образование).

При карьерном треке многие русские мужчины, как говорилось уже выше, это высококвалифицированные специалисты, которые переезжают в Германию в возрасте от 22 до 30 лет. При этом либо они сразу остаются в Германии, если учились по программам (например, Erasmus Mundus) в немецких университетах, либо переезжают после получения российского высшего образования и опыта работы в России. Нередко случается, что мужчина перевозит с собой уже всю семью: жену и детей реже, чаще — русскую жену, — а дети рождаются уже в Германии. Это важно отметить, потому что в зависимости от этнической принадлежности партнера будут разными модели поведения жизни в эмиграции и отношение к русской культуре.

О сохранении русской культуры в Германии

С Ольгой мы познакомились более 7 лет тому назад, я была ее репетитором по немецкому языку. Немецкий язык Оля учила перед переездом в Германию, так как ее муж получил предложение по работе (IT сфера). Ольга переехала к мужу через 9 месяцев после его отъезда, с двумя дочерьми 5 и 3 лет. В настоящее время дети учатся в немецкой школе, при этом дома говорят только на русском языке. У девочек есть учитель по русскому языку, который занимается с ними онлайн из России. Несмотря на то, что ездить из Германии в Россию затруднительно (отсутствуют прямые перелеты), Ольга каждый год старается привозить детей к бабушкам и дедушкам. В семье всеми способами стараются поддерживать русский язык и русскую культуру, в ясельном возрасте читали сказки и включали мультфильмы на русском языке, сейчас смотрят театральные постановки в записи.

«Во-первых, я мама русская, у меня код русской крови, я ехала за мужем. Моя бабушка была учитель русского языка и литературы, я выросла сама на стихах Есенина. Мне было важно привить детям любовь к русскому языку, русской культуре, так как они на сегодняшний день граждане России. Я хочу, чтоб дети были мобильны и у них не было границ, они могли быть дома везде и в России, и в Германии. Детям моим сложнее, есть путаница в изучении и русского и немецкого, но это база им в будущем. А в 18 они сами выберут что они хотят, сейчас как взрослая выбираю я, все на самом деле очень просто. Я бы может еще их возила в русскую школу, но мне неудобно возить детей туда, потому что тратить на это субботу. И школы здесь «а-ля 90-е». Я все же приехала из Москвы в Германию», — отвечает мне Ольга, когда я спрашиваю у нее про русский язык (жен., 40 лет, русская, высшее образование).

Другая русская семья переехала в Германию из Санкт-Петербурга. Никита по образованию астрофизик, переквалифицировался в IT специалиста, его жена Екатерина — выпускница престижного юридического факультета СПбГУ, двое сыновей (7 и 5 лет) родились в Германии. После эмиграции Екатерина посвятила себя семье и воспитанию детей, в планах все же получить образование в Германии. Никита работает. В семье говорят только на русском языке, изучают русскую литературу, более того, историю Санкт-Петербурга. Как говорит Никита:

«Мы с Катей, коренные петербуржцы, очень сильно любим свой город, поэтому нам важно передать любовь к Санкт-Петербургу сыновьям».

Интересен еще один момент, Никита в детстве много путешествовал с отцом по берегу Финского залива, изучал маяки, заброшенные станции. Сейчас он берет сыновей в мини-путешествия по северной Германии, на остров Рюген.

«Здесьние места (про остров Рюген) хоть как-то напоминают пейзажи из детских воспоминаний. Я рассказываю детям, как мы с отцом искали клад, фотографировали на старенький Zenit маяки, собирали камни необычной формы. Получается, я воспроизвожу память, то, что мне дорого, со своими уже детьми, и теперь часто слышу от сыновей: “а этот холмик похож на лес из твоего детства” или “это здание похоже на здание в Санкт-Петербурге”. Самое сложное для меня в эмиграции — это то, что я не могу взять лодку, палатку и отправиться на Ладогу», — делится Никита (муж., 37 лет, русский, высшее образование).

Два представленных нарратива демонстрируют сходство жизненных ситуаций: в обоих случаях речь идёт о русских семьях, где отец выполняет функцию основного кормильца, тогда как мать, несмотря на наличие высшего образования, полученного в России, посвящает себя воспитанию детей, ведению домашнего хозяйства и организации семейного быта. Я была лично знакома как с Ольгой, так и с Никитой до их переезда в Германию. В настоящее время анализ их публикаций в социальных сетях и личных заметок не позволяет зафиксировать открытых проявлений ностальгии по России. В то же время в их блогах, которыми они делятся с окружающими читателями онлайн, отчётливо прослеживается, что дети воспитываются преимущественно в немецкой культурной среде. При этом родители вкладывают значительные усилия в их образование и всестороннее развитие, наряду с чем уделяют существенное внимание приобщению детей к русской культуре: они привозят из России классическую русскую литературу, читают и обсуждают её с детьми в период каникул.

Вместе с тем нельзя утверждать, что данная поведенческая модель является универсальной для всех русских семей (в которых оба родителя являются этническими русскими), эмигрировавших в ФРГ. В ходе исследования было опрошено три семьи, чьи ответы демонстрировали сходные паттерны, которые будут приведены ниже.

«Здравствуйте! Тут мне вам особо нечего рассказать. В определенный момент мне стало важнее, чтобы дети прониклись немецкой культурой больше. Они ходят на занятия по русскому языку 1 раз в неделю по 2 часа. Тут такие занятия предоставляются всем приезжим. Занятия родным языком. Плюс дома мы только по-русски разговариваем.

[Когда задала вопрос об эмиграции]. У меня нет тоски, я быстро адаптируюсь к новым условиям. Мне везде хорошо. У нас только у старшей дочери есть. Она уехала в таком возрасте, когда уже друзья были, ей тяжело» (жен., 39 лет, русская, высшее образование).

Доминирующей жизненной стратегией рассматриваемой группы эмигрантов выступает интеграция в немецкое повседневное и культурное пространство, тогда как родная русская культура оказывается смещённой на периферию актуальных практик и воспроизводится, с одной стороны, по остаточному принципу, а с другой — в силу языковых ограничений родителей (старшего поколения), которое не владеет немецким в достаточной степени для повседневной коммуникации и продолжает использовать русский язык в домашней среде и в ведении социальных сетей. Вследствие этого складывается ситуация, при которой родительское поколение стремится обеспечить мак-

симально быструю адаптацию детей к немецкой среде, и через этот процесс фактически осуществляет собственную вторичную социализацию в принимающем обществе.

Два следующих интервью идентичны по своей сути по отношению к поддержанию русской культуры в семье. Кирилл и Максим — выпускники физического факультета СПбГУ, остались жить в Германии после программы Erasmus Mundus. Через какое-то время Кирилл женился на бразильянке, Максим на аргентинке. Сейчас в каждой семье по двое детей, говорят в семьях на английском языке, матери с детьми говорят на своем родном языке. При беседе о русской культуре, Кирилл ответил, что дети живут в Германии и им нужно быть в немецкой культуре, более того он рад, что они с детства говорят на английском языке, так как английский открывает им новые горизонты, немецкий они учат в среде. По его словам, Кирилл упустил множество возможностей, так как плохо разговаривал на английском, а его дети, в отличие от него, смогут свободно выбрать себе любую страну для проживания.

Максим в своих ответах о том, что дети не знают русский язык, говорил более сдержанно:

«При сегодняшних тенденциях нужно учить китайский, английский знают все, думаю, когда дети вырастут, я начну говорить с ними на русском, не вижу в этом какой-то страшной проблемы» (муж., 38 лет, русский, высшее образование).

В таких семьях, как и всякая ценность — ценность знания русского языка сопряжена с определенными трудностями. Мои респонденты не отвечали мне, что не хотят учить русский язык, они пытались объяснить мне, что в современной жизни есть другие более значимые вещи, поэтому на изучение русского языка в семье не остается главного ресурса — времени. А ценность знания русского языка заменяется ценностью знаний других языков.

Примечательны биографические нарративы смешанных браков, где мать русская, а отец немец или человек любой другой этничности. Приведу примеры. Диалог с молодой женщиной, ей 39, 3 сыновей, замужем за немцем, проживает в Германии 8 лет, причина переезда — брак.

«А: Как вы поддерживаете русскую культуру в семье?

И: Сложный вопрос такой. Вроде бы и не поддерживаю, а вроде бы и много стараюсь привить детям русского.

А: Сможете поделиться?

И: Смотрите, вот через кухню. Как говорится, на кухне я премьер-министр, готовлю сама. Поэтому мои мальчики знают, что такое блины, пельмени, пирожки, посыкунчики, я родом из Перми, квашенная капуста, не знаю. Мы готовим вместе я рассказываю, вот репка, и параллельно рассказываю сказку про репку, печем хлеб, учим колобка. Мне самой интересно что-то узнавать новое, я сразу рассказываю детям. Дети так постепенно получают информацию о том, кто я, кто их мама и ее родители» (жен., 39 лет, русская, высшее образование).

В следующем интервью девушка поведала аналогию данной истории, она каждый день рассказывает детям на русском языке о своем детстве, сказочных героях, природе и так далее.

Ниже я приведу полностью ответ русской девушки, которая замужем за немцем, у них нет детей. Мой вопрос звучал о сохранении русской культуры и ностальгии.

«Возможно, мой ответ будет немного нетипичным. У меня практически нет чувства ностальгии в том смысле, в котором его обычно понимают. Также я не могу ска-

зять, что сильно ощущаю привязанность к каким-то корням или принадлежность к одной конкретной стране. Наверное, всю жизнь я была скорее человеком мира.

Мне довелось побывать более чем в сорока странах и жить в разных местах — на Маврикии, в Греции, а сейчас я живу в Германии, в небольшом баварском селе. Каждый раз мне требуется сравнительно немного времени, чтобы адаптироваться к новой среде, искренне заинтересоваться местной культурой и полюбить её. Мне нравится наблюдать за тем, как живут люди в разных странах, и находить в каждой культуре что-то близкое и ценное.

При этом я с уважением отношусь и к культуре страны, в которой родилась. Если говорить о том, что связывает меня с Россией сильнее всего, то это русский язык. Он остаётся для меня родным языком. Я думаю на русском, мне проще выражать на нём свои мысли и чувства. На русском языке я пишу стихи и песни, которые выпускаю как музыкант.

Наверное, именно творчество является той формой, через которую моя культурная идентичность проявляется естественным образом. В моих песнях можно услышать и влияние разных стран, где я жила, и в то же время определённое славянское звучание. Даже когда я пою о жизни в Баварии или о каких-то местных реалиях, это всё равно взгляд человека, выросшего в русскоязычной среде.

Поэтому я бы не сказала, что сознательно занимаюсь поддержкой или продвижением русской культуры. У меня нет такой специальной цели. Скорее это происходит само собой через язык, творчество, круг общения и мой жизненный опыт. Я не стремлюсь забыть культуру, в которой родилась, но и не считаю необходимым специально её сохранять. Для меня естественно оставаться собой, впитывая при этом новое и сохраняя уважение ко всем культурам, с которыми меня сталкивает жизнь.

Что касается ностальгии, то я скорее испытываю тёплые чувства к отдельным людям, событиям или периодам жизни, чем тоску по конкретной стране или месту. Мне комфортно там, где я нахожусь сейчас, и, наверное, именно поэтому я достаточно легко чувствую себя дома в разных уголках мира. Желаю вам успехов в исследовании и спасибо за интересную тему» (жен., 45 лет, русская, средне специальное образование).

Представленные эмпирические данные свидетельствуют о том, что в доминирующем числе случаев русскоязычные матери осуществляют речевую социализацию своих детей, используя русский язык как основной язык домашней коммуникации. Информанты данной категории демонстрируют выраженную космополитную установку, идентифицируя себя в качестве «граждан мира», что, однако, не вступает в противоречие с их способностью к репрезентации элементов собственной культурной традиции. Трансляция культурных традиций осуществляется ими в ненавязчивой, обычной форме, без акцента национальной принадлежности. Вместе с тем фиксируется устойчивое эмоционально-позитивное отношение к собственной этнической идентичности, сопровождающееся ее бережным сохранением и рефлексивным осмыслением в структуре повседневных практик.

Немного моих полевых наблюдений из 2010-х

В ходе полевого этапа исследования, проводившееся мной в разные годы на территории Федеративной Республики Германия (г. Штутгарт, Гамбург, Берлин и Росто́к), был зафиксированы эпизоды, иллюстрирующие механизмы конструирования идентичности среди мигрантов второго поколения. Эмпирической базой для данно-

го раздела послужили как включенное наблюдение, так и неформализованные интервью с информантами, принадлежащими к русскоязычному сообществу. В рамках данного исследования я опишу три эпизода, которые остаются вполне важными практиками и по сей день. Это празднование Великой Пасхи, посещение «русского магазина» и культурное времяпровождение на «русской дискотеке».

«Русская дискотека». В 2010-е годы в крупных городах Германии: Берлине, Штутгарте, Гамбурге немалой популярностью пользовались среди русского населения так называемые русские дискотеки. Мне довелось быть три раза на дискотеке в 2013 г. Поводом послужило знакомство с представителями второго поколения эмигрантов — молодыми людьми, чьи родители иммигрировали в ФРГ в начале 1990-х годов. Спустя непродолжительное время после установления контакта они пригласили меня на мероприятие подобного формата, мотивируя это тем, что, по их утверждению, именно в Гамбурге проводится «самая крутая русская дискотека». Первоначальный мой скепсис, выразившийся в реплике о том, что подобный досуг доступен для меня и в Санкт-Петербурге, был быстро преодолен настойчивостью моих друзей-информантов.

По прибытии на мероприятие я столкнулась с феноменом, который впоследствии был осмыслен как яркая репрезентация эмигрантской культуры. Пространство клуба воспроизводило узнаваемые маркеры «русскости». Звучали российские хиты вперемежку с мировыми танцевальными композициями. Девушки были одеты празднично: высокие каблуки, короткие платья, уложенные прически, что контрастировало с повседневно-небрежным стилем, характерным для большинства гамбургских клубов, где внимание к внешнему виду не является столь демонстративным. Посетители были преимущественно рассредоточены по столикам, ведя оживленные беседы. Активная танцевальная активность не составляла доминанты вечера. Уже на этапе визуального восприятия я могла безошибочно идентифицировать данное пространство как «русскую дискотеку», настолько выраженными были поведенческие и стилистические паттерны, отличающие ее от типичных немецких клубных форматов.

В ходе последующей беседы с информантами мне удалось выяснить, что ни один из них никогда не был в России, однако посещение русскоязычных дискотек является для них осознанной практикой приобщения к культуре исторической родины. Собственная мотивация объяснялась ими, во-первых, стремлением быть частью русской культурной среды, а во-вторых, возможностью познакомиться с русской девушкой или юношей, что аргументировалось желанием взаимопонимания на глубоком, мировоззренческом уровне. На момент проведения наблюдения я не знала о том, что буду впоследствии обращаться к данной теме в научном ключе, однако ретроспективно этот эпизод был осмыслен как ценный этнографический материал, позволяющий зафиксировать практики культурной идентификации второго поколения эмигрантов. Следует отметить, что в ходе неформального общения я могла позволить себе выходить за рамки поверхностного интервью, задавая вопросы личного характера, что было обусловлено установившейся доверительной атмосферой.

Дополнительным наблюдением, заслуживающим внимания, стал устойчивый интерес информантов к жизни современной России. По всей видимости, транслируемые их родителями нарративы о молодежной культуре 1970-х годов (их молодости) и рассказы о сложных 1990-х порождали у второго поколения выраженный запрос на актуальную информацию, респонденты проявляли живое любопытство к тому, чем се-

годня интересуется российская молодежь, как она живет и что составляет повестку ее повседневности. Данный факт свидетельствует о наличии у представителей второго поколения эмигрантов не только ностальгического интереса к родительской «Родине», но и потребности в синхронизации с современными культурными процессами, происходящими в России, что формирует дополнительные исследовательские вопросы в рамках конструирования идентичности у иммигрантов второго поколения.

«**Великая Пасха**». Еще одним значимым эпизодом включенного наблюдения стало то, что русскоязычные знакомые приглашали меня на семейное празднование православной Пасхи. Данный кейс позволил зафиксировать вариативные стратегии сохранения религиозно-культурных традиций в русской эмигрантской среде, а также выявить факторы, влияющие на их воспроизводство в межетнических и моноэтнических семьях, проживающих в иноязычном окружении.

В ходе интервьюирования респонденты неоднократно акцентировали внимание на том, что празднование Пасхи является для них значимой религиозной практикой, поддерживающей связь с русской традицией и выполняющей роль одного из ключевых маркеров религиозной идентичности. При этом среди информантов обнаружилось различные модели включения данного праздника в календарь повседневности, которые можно типологизировать в зависимости от этнического состава семьи и степени интеграции в немецкое общество.

В ряде моноэтнических русских семей зафиксирована практика двойного празднования и католической, и православной Пасхи. Подобная стратегия, как поясняли информанты, обусловлена двумя взаимосвязанными причинами. Во-первых, она представляет собой акт культурного уважения к принимающей стране: празднование католической Пасхи воспринимается как включенность в немецкий религиозно-календарный цикл, и демонстрация готовности разделять значимые для окружающего общества даты. Во-вторых, данная практика продиктована социализацией детей, которые посещают немецкие школы и детские сады, где подготовка к католической Пасхе (изготовление поделок, раскрашивание яиц, пасхальные мероприятия) является неотъемлемой частью образовательного процесса. Таким образом, празднование католической Пасхи в семье становится естественным продолжением школьного опыта детей и способом поддержания их эмоциональной включенности в повседневную жизнь немецкого общества. Православная же Пасха в таких семьях сохраняется как «собственная-родная», интимная традиция, обращенная к корням и исторической памяти, что позволяет выстраивать гибридную модель религиозной идентичности, в которой гармонично сосуществуют элементы обеих стран.

Иная модель фиксируется в межетнических семьях. Так, в ходе интервью был зафиксирован показательный нарратив русского мужчины, состоящего в браке с аргентинкой, исповедующей католицизм. Респондент пояснил, что его супруга, будучи католичкой, испытывает значительную физическую и эмоциональную усталость после подготовки и проведения католической Пасхи, в связи с чем празднование православной Пасхи в их нуклеарной семье, как правило, не осуществляется. Однако, поскольку сам информант испытывает глубокую личную привязанность к этому празднику и воспринимает его как важную часть своей религиозной идентичности, он находит компромиссную стратегию, отмечает Пасху в кругу русскоязычных друзей, то есть выносит данную практику за пределы семьи в пространство русского сообщества в Германии.

Представленные примеры наглядно иллюстрируют, каким образом культурно-религиозные практики адаптируются к условиям эмиграции. В одних случаях они

трансформируются в сторону дуализма (двойное празднование как стратегия бикультурной интеграции), в других сохраняются в усеченном или замещенном формате, где эмигрантское сообщество берет на себя функцию «Родины», позволяющего индивиду поддерживать связь с традицией даже при отсутствии соответствующей семейной среды. Данные наблюдения свидетельствуют о высокой пластичности этнокультурных и религиозных практик в эмиграции, где границы между «своим» и «чужим» становятся проницаемыми.

«**Русские магазины**». В центре внимания находится феномен «русского магазина» как локального места, собирающего ностальгические нарративы и транслирующего этнокультурные маркеры.

В Штутгарте инициатива посещения специализированных розничных точек, реализующих продукты российской и постсоветской пищевой промышленности, исходила от информантов моих русских друзей — эмигрантов второго поколения. Примечательным является тот факт, что мне было интереснее посещать немецкие супермаркеты такие как Edeka или Rewe. Однако мои предложения о самостоятельном исследовании типичных немецких магазинов были категорически отклонены моими русскими друзьями. Данный факт можно интерпретировать как акт символического присвоения. Информанты стремились позиционировать русский магазин как эксклюзивную институцию, где, по их мнению, я могу купить привычные для себя продукты, нежели непонятные для меня немецкие.

В Гамбурге наблюдаемая практика приняла более структурированные формы. Мои друзья-информанты не только предложили посетить «русский магазин», но и организовали целенаправленную экскурсию по нескольким подобным магазинам в разных частях города. В ходе данного перемещения по городу они активно акцентировали внимание на необходимости приобретения специфических «артефактов»: гречневой крупы (гречки) и семян подсолнечника (семечек). С точки зрения питания данные продукты являются рядовыми, однако в дискурсе русских в Германии они наделяются статусом культурных российских символов, обязательных к приобретению.

Можно сказать, что для информантов второго поколения посещение русского магазина является ритуалом, превосходящим по своей эмоциональной насыщенности рутинный шопинг. Тот факт, что меня, как представителя актуальной российской культуры, целенаправленно знакомили с этими маркерами, демонстрирует потребность информантов в верификации собственных культурных конструкторов через взаимодействие с непосредственным носителем традиции. Их настойчивость в выборе «русского» формата торговли отражает некий конфликт между ассимиляцией и сохранением идентичности.

Заключение

На основании полевых наблюдений, проведённых в 2010-е годы в крупных немецких городах (Штутгарт, Гамбург, Росток), можно сформулировать ряд выводов относительно механизмов конструирования идентичности у представителей второго поколения русскоязычных эмигрантов. Посещение русскоязычных дискотек является для второго поколения эмигрантов не столько развлекательной практикой, сколько осознанным актом приобщения к культуре исторической родины. Примечательно, что информанты, никогда не бывавшие в России, целенаправленно выбирают данный формат досуга. Мотивация включает как стремление быть частью русскоязыч-

ной среды, так и поиск партнёра для отношений, основанных на мировоззренческой близости и взаимопонимании. Данный факт свидетельствует о том, что для второго поколения «русскость» существует не столько как географическая или политическая категория, сколько как эмоционально значимый культурный конструкт, воспроизводимый через практики повседневности. Кроме того, живой интерес информантов к современной российской молодёжной культуре указывает на то, что их идентичность не ограничивается ностальгическими нарративами родителей (отсылающими к 1970–1990-м годам), но включает потребность в синхронизации с актуальными процессами, происходящими в России сегодня.

Религиозная практика празднования Пасхи в эмигрантской среде демонстрирует высокую вариативность, которая напрямую зависит от этнического состава семьи и степени интеграции в немецкое общество. В моноэтнических русских семьях зафиксирована стратегия двойного празднования (католической и православной Пасхи). Это позволяет, с одной стороны, сохранять связь с собственной религиозной традицией, а с другой включаться в календарный цикл принимающей страны, что особенно важно в контексте социализации детей, посещающих немецкие школы и детские сады. Подобная модель отражает пластичность идентичности, где элементы обеих культур сосуществуют без конфликта. В межэтнических семьях, напротив, православная Пасха может выноситься за пределы нуклеарной семьи и отмечаться в кругу русскоязычного сообщества. В этом случае эмигрантская среда берёт на себя функцию «Родины», позволяя индивиду сохранить значимую для него традицию даже при отсутствии соответствующей семейной поддержки.

Посещение русских магазинов для второго поколения эмигрантов выходит за рамки потребности в продуктах питания. Данная практика приобретает характер ритуала, в рамках которого рядовые продукты (гречка, семечки) наделяются символическим статусом культурных артефактов. Совокупность представленных наблюдений позволяет заключить, что для второго поколения русскоязычных эмигрантов в Германии культурная идентичность не является статичным наследием, передаваемым от родителей, а представляет собой динамичный конструкт, активно воспроизводимый через повседневные практики досуговые, религиозные и потребительские. Представители второго поколения выстраивают гибридные модели идентичности, которые позволяют им одновременно сохранять связь с родительской культурой и интегрироваться в немецкое общество.

Знание русского языка — это ценность семьи и принадлежность к роду. Те респонденты для кого важны семейные ценности, обычаи и их фамилия, стараются учить русский язык с детьми. Тем самым они сохраняют связь со своими детьми, в новой «чужой» или «временной» для них стране. Русская культура здесь может транслироваться и передаваться разными путями: это русская традиционная еда, блины, образы семьи, когда все родственники респондента собирались за одним столом в деревне, это праздничные ритуалы, подготовка карнавального костюма к Хэллоуину, где параллельно ребенку рассказывается нарратив о том, как его бабушка шила костюм снежинки на Новогодний утренник его маме, рассказ о том, что такое снежинка и как дети катаются на ледянках зимой в Барнауле. Личные семейные традиции передаются и подаются в новой немецкой повседневности, понятной ребенку, но все же с отсылкой к России или русской культуре. Таким образом, можно предположить, что русская культура поддерживается эмигрантами, у которых были ярко выражены семейные ценности еще при жизни на территории России. Эмигранты,

в семьях которых не уделялось место и время традициям, семейным праздникам, добродушным теплым взаимоотношениям между родственниками, больше подвержены индивидуализму. Для них поддержание связей с Россией и её культурным наследием утрачивает субъективную значимость, и в новой немецкой повседневности они конструируют для себя и своих детей альтернативные ценностные системы.

Источники и материалы

Медиа-служба — Медиа-служба: [электронный ресурс]. <https://mediendienst-integration.de/bevoelkerung/postsowjetische-migranten-in-deutschland/wie-viele-postsowjetische-migranten-leben-in-deutschland/> (дата обращения: 25.06. 2026).

Научная литература

Русский Берлин / Составление, предисловие и персоналии В. В. Сорокиной. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 368 с.

Попов А. Н. Русский Берлин. М.: Вече, 2010. 400 с. (Русские за границей).

Энгльке М. Думай как антрополог. М.: «Ad marginem», 2024. 288 с.

Bernstein J. Transmigration and Capitalism. Migranten und Migrantinnen aus der ehemaligen Sowjetunion und ihre Erfahrungen in Germany. 2025. Prokla. Zeitschrift für kritische Sozialwissenschaft. 2025. Vol. 35. No. 3. S. 407–423. <https://doi.org/10.32387/prokla.v35i140.592>

Geißler R. Die Gesellschaftliche Entwicklung von und nach der Vereinigung. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2006.

Kirsch J. Migration von Russlanddeutschen aus gesellschaftlicher und ärztlicher Sicht. Berlin: Gallus Druckerei KG, 2004. 140 s.

Kühn N. Die Wiederentdeckung der Diaspora: Gelebte Transnationalität russischsprachiger MigrantInnen in Deutschland und Kanada. Köln: Springer Verlag, 2012. 112 s.

References

Bernstein, J. 2025. Transmigration and Capitalism. Migranten und Migrantinnen aus der ehemaligen Sowjetunion und ihre Erfahrungen in Germany [Transmigration and Capitalism: Migrants from the Former Soviet Union and their Experiences in Germany]. *Prokla. Zeitschrift für kritische Sozialwissenschaft* 35(3): 407–423. <https://doi.org/10.32387/prokla.v35i140.592>

Engelke, M. E. 2024. *Think like an Anthropologist*. Moscow: Ad marginem. 288 p. (*Think like an Anthropologist*. Pelican Publishing, 2017. Published in the US as: *How to Think like an Anthropologist*. Princeton University Press, 2018).

Geißler, R. 2006. *Die Gesellschaftliche Entwicklung von und nach der Vereinigung*. Westdeutscher Verlag [Social Development Before and After Reunification. Westdeutscher Verlag]. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften.

Kirsch, J. 2004. *Migration von Russlanddeutschen aus gesellschaftlicher und ärztlicher Sicht* [Migration of Ethnic Germans from Russia from a Social and Medical Perspective]. Berlin: Gallus Druckerei KG. 140 p.

Kühn, N. 2012. *Die Wiederentdeckung der Diaspora: Gelebte Transnationalität russischsprachiger MigrantInnen in Deutschland und Kanada* [The Rediscovery of the Diaspora: Lived Transnationality of Russian-Speaking Migrants in Germany and Canada]. Köln: Springer Verlag. 112 p.

Popov, A. N. 2010. *Russkii Berlin* [Russian Berlin]. Moscow: Vechе. 400 p.

Sorokina, V. V. (ed.). 2003. *Russkii Berlin* [Russian Berlin]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 368 p.